

Л. Н. Иванова

К БИОГРАФИИ Л. Н. АНДРЕЕВА

(по материалам коллекции Ф. Ф. Фидлера)

Данная статья имеет цель лишь предварительного знакомства с архивными материалами о Леониде Андрееве в коллекции Федора (Фридриха) Федоровича Фидлера (1859—1917).¹

Немец по происхождению, известный в Петербурге преподаватель немецкого языка в нескольких учебных заведениях, Фидлер, благодаря таланту, «трудолюбию и плодовитости»,² не менее успешно не одно десятилетие занимался переводами, знакомя немецких читателей с лучшими образцами русской литературы. Однако особое место в жизни Фидлера занимала начатая еще в школьные годы собирательская деятельность. Со временем «коллекция ученика реформатского училища разрослась в целый музей портретов, карикатур и писем русских писателей».³ Многие писатели, актеры, художники, зная, как страстно Фидлер любил литературу («воистину был ее любовником»), несли в его «сокровищницу» памятные вещи, рукописи, книги, фотографии.⁴ «Нет, кажется, ни одного из пишущих, портрета или автографа которого не имелось бы у Фидлера»;⁵ «Страстный коллекционер, он собирает и изучает все, относящееся к избранному им культу, и готовит несомненно интереснейший и бесценный вклад в историю литературного творчества, других искусств современной эпохи»,⁶ — так отзывались о коллекции Фидлера современники, осознающие ее уникальность и обеспокоенные дальнейшей судьбой. Не раз высказывались пожелания о том, чтобы коллекцию «приобрела либо академия наук для специального литературного музея при отделении изящной словесности, либо правительство вообще, сохранив этот музей — как самостоятельное литературное учреждение, как особый литературский пантеон, оставив во главе этого музея его основателя. <...> он сумел бы создать из него нечто такое, чем мы вправе были бы гордиться и что осталось бы интересным памятником для потомства».⁷

К сожалению, этому не суждено было осуществиться. Фидлер скончался во время Февральской революции 1917 г. Надвигалась трагическая эпоха. «Наш милый друг, наш незабвенный „немец“

перехитрил перед своей смертью всех нас, — сокрушался А. А. Коринфский. — <...> вместо Публичной библиотеки, оставил музей и все свое по завещанию дочери». В те годы ни у Академии наук, ни у Публичной библиотеки не нашлось достаточно средств, и собрание было продано известному коллекционеру А. Е. Бурцеву, а затем разрознено и частично утрачено. В 1920—1930-е гг. значительная часть «музея» была приобретена у Бурцева Пушкинским Домом.⁸

Если собственно коллекционные материалы, составившие «музей», Фидлер охотно и с гордостью демонстрировал всем желающим, то вряд ли многие были осведомлены о существовании дневников, которые собиратель вел на протяжении почти тридцати лет (1888—1916). Объемистые тетради в картонных переплетах, заполненные по-немецки, имели общее заглавие: «Из мира литераторов. Характеры и суждения, собранные Фидлером». Несмотря на напряженную педагогическую и литературную деятельность, Фидлер, одержимый стремлением пополнять свою коллекцию, был непререкаемым посетителем и участником всех литературных собраний, юбилейных вечеров, дружеских встреч, театральных премьер, а затем по возможности подробно описывал все, что запомнилось. Автора дневников, пока не оцененных по достоинству,⁹ заботила не столько собственная литературная репутация, сколько избранная им роль летописца, пытающегося зафиксировать мгновения проходящей перед его глазами истории культуры. Поэтому он не затруднял себя ни отделкой стиля, ни попытками обобщений, размышлений. Очевидно, он был убежден (и, как мы теперь видим, — не ошибся), что, оставив потомкам россыпи мельчайших и, на чей-то взгляд, не заслуживающих внимания деталей, подробностей событий, он способствует тем самым созданию как полноценных биографий, так и масштабной картины культурной жизни конца XIX—начала XX века.

Характерно в этом смысле и приводимое ниже описание знакомства Фидлера летом 1905 года с Леонидом Андреевым, личность которого страстный поклонник литературы, разумеется, не мог обойти вниманием. Андреев к тому времени — уже знаменитый писатель, автор сборника «Рассказы» (СПб., 1902) и ряда произведений, ставших крупными литературными явлениями: «Бездна» (1902), «В тумане» (1902), «Жизнь Василия Фивейского» (1904), «Красный смех» (1905) и др.

Знакомству предшествовали встречи и беседы Фидлера, отдыхавшего летом 1905 г. в поселке Райвола (ныне — Солнечное), с М. Горьким, снимавшим дачу в Куоккала (ныне — Репино). Во время одной из бесед Горький «сказал, что неподалеку от меня живет Леонид Андреев, которого он высоко ценит как писателя», — записал Фидлер 28 мая 1905 г.¹⁰ Спустя почти месяц ему удалось побывать в Ваммельсуу (ныне — Молодежное и Серово), где Андреев снимал дачу, и описать все, что предстало его взору.¹¹

10/23 июня 1905 г.

Горький сказал мне, что Леонид Андреев очень простой и приятный человек, для знакомства с которым не требуется особых церемоний; и вот сегодня я отправился к нему в Ваммельсуу (Черная Речка). Это в восьми верстах от станции Райвола, — там, где речка впадает в море. Дом Андреева (фамилия хозяина — Лыжин)¹² стоит прямо у въезда в деревню справа (от нас), на открытом месте, так что вид открывается далеко во все стороны (но моря не видно). Андреев встретил меня очень приветливо. На нем была белая чесунчовая рубаха с поясом и черные штаны, заправленные в высокие сапоги. Он повел меня на застекленную веранду. Неубранный стол с остатками утреннего чая (я приехал в полдень). Я сказал, что здесь совсем нет тени, и он ответил: «Для меня главное — открытый вид. Я люблю небо и могу отсюда смотреть на облака — как они появляются и исчезают. Недавно здесь была буря, и я с удовольствием наблюдал ее от начала и до конца». Он взял мой альбом с автографами и стал читать;¹³ дойдя до имен Францоа, Шпиллгегена и Штинде, сказал, что очень их любит.¹⁴ На мой вопрос, знает ли он немецкий язык, воскликнул: «Это мое несчастье! Из всех языков знаю только русский!» При виде письма Раковицы он воскликнул: «А, Лассаль!»¹⁵ Читая автограф Юшкевича,¹⁶ с досадой покачал головой, рассерженно произнес: «Ах!» и потом сказал: «У него тоже есть литературный музей. Однажды он забыл у меня свою ручку и тотчас в ужасе написал мне, чтобы я сохранил ее, потому что этой ручкой написан один из его рассказов (не могу вспомнить, какой)». Потом он (Андреев) спросил меня: «Вам стоило, наверное, невероятного труда составить столь ценный альбом автографов?!» — «Да», — сказал я и добавил, что почти всякий раз, когда в альбом мне пишут русские писатели, я должен заботиться о том, чтобы они не забыли указать дату и место записи. На это он (Андреев) сказал: «Хорошо, что Вы об этом напомнили: я бы этого тоже не сделал».

Стихов он никогда не писал.¹⁷ И никогда не диктует свои произведения.¹⁸

Он показал мне через стереоскоп несколько своих портретов (любительская работа), где он снят в самых разных ситуациях;¹⁹ при этом он то и дело давал пояснения: «Вот это — тогда я писал „В тумане“... А здесь — „Фивейского“²⁰ и т. д.». Когда я сказал, что на одной из фотографий он похож на А. М. Федорова, он ответил, натянуто улыбувшись: «Это для меня не слишком приятно — я его не люблю».²¹

Взяв альбом, он удалился в свою комнату. Я остался один на веранде и стал разглядывать разбросанные игрушки его двухлетнего сына:²² тетрадь для рисования, саблю и сломанное ружье. Когда он вернулся, я сказал улыбаясь: «Вы пишете против войны, а в своем сыне воспитываете воинственные инстинкты!»²³ На это он ответил: «Во-первых, это влияние моих детских лет, когда я запоем читал Майн-Рида, а во-вторых, я выступаю лишь против войны с людьми, но не со зверьми, к которым отношу полицейских начальников,

генерал-губернаторов, великих князей и т. д.». С недавним приемом депутации народных представителей у императора он не связывает особых ожиданий: они ему только льстили и внушали, будто вся Россия ему доверяет и солидарна с ним. Тем самым он лишь еще более укрепился в своем самообожествлении, а идея народного собрания будет постепенно предана забвению. Или же он поставит в Земском соборе свои креатуры, так что в конце концов получится еще хуже.²⁴

Мы заговорили о «Красном смехе», и он сказал: «Мне ставят в упрек, что я изобразил ужасы войны, не побывав на поле военных действий и не видя их собственными глазами. Но так, ведь, вообще нельзя написать ни одного исторического романа!» Я добавил: «И ни одной исторической драмы, как, например, «Юлия Цезаря» (Шекспир) или «Бориса Годунова» (Пушкин)». Я напомнил также, что и Шиллер написал «Вильгельма Телля», ни разу не побывав в Швейцарии. Андреев слушал меня с явным удовлетворением.²⁵

Потом он сообщил, что собирается написать рассказ «К оружию, граждане!», в котором будет призыв к войне, а именно к войне народа с тиранией правительства. Эту вещь он намерен опубликовать за границей.²⁶ Но сейчас он не может приняться за столь тяжкую работу, поскольку его нервы еще не совсем в порядке: он сам очень страдал, когда писал «Красный смех».

Он сказал: «Я ни за что не хотел бы жить в шумном Куоккала. Алексей (т. е. Горький. — Ф<идлер>) любит, чтобы его постоянно окружали люди. А я — нет. Я люблю только тех, которые мне нравятся».²⁷

До июля он ничего не собирается писать. Но день у него и так проходит незаметно: он фотографирует, ездит на велосипеде, катается на лодке, стреляет из монтекристо (купил его в Выборге) и сооружает воздушного змея для своего сына;²⁸ ему часто приходится ездить в Куоккала, чтобы позировать Репину, однако портрет не нравится им обоим.²⁹

На многих открытках он выглядит эффектнее, красивее. Он моего роста, крупный, с густыми волосами, по-цыгански смуглый; между бровями, прямо под носом, — резко обозначенная горизонтальная черта, словно кто-то порезал ее ножом. Руки его оказались немывыми — под ногтями, по крайней мере, была видна грязь.

За дом он платит 350 руб. Меблировка включает в себя пианино, на котором, однако, никто не играет.

Вокруг дома — обширная лужайка с клумбами, где не растет ни одного цветка. За домом — несколько грядок, на которых растет дикая земляника: он не занимается прополкой сорняков. «Вы и редисками не интересуетесь?» — спросил я с укоризненной улыбкой. «Нет, зато Алексей (т. е. Горький) очень интересуется».

С нами сидела и его жена: очень юное существо, не слишком красивая, но с привлекательным лицом, худенькая, простая и очень приветливая. Они женаты всего лишь четыре года.³⁰

Он (Андреев) зовет Горького не иначе, как «Алексей», а она — «Максимыч». Она привела и своего сына, который, едва она сделала ему замечание, замахнулся на нее рукой.

Оба просили меня остаться, но меня ждал извозчик.

Они проводили меня до ворот и пообещали приехать — на велосипеде.

Дачное знакомство имело продолжение, о чем свидетельствуют следующие дневниковые записи Фидлера, фотографии писателя с надписями коллекционеру, их переписка.

На лицевой стороне одного из портретов автограф: «Из „Анатэмы“: „Хорошая труба!.. Но почему же она может только с одной стороны?» Леонид Андреев. 1910 г.». На обороте пояснительная запись Фидлера: «Леонид Андреев, играющий на трубе граммофона. Шутливая фотография 1909 г.»³¹

«Привет Федору Федоровичу от прекрасного незнакомца!» — надписывает Андреев фотооткрытку, полученную адресатом в конце июня 1914 г., где он снят на яхте. На обороте, помимо петербургского адреса Фидлера, машинописный текст: «Как это говорится, капитан Джон Линч, он же капитан Дьявол ³² приближался к своему таинственному острову, чтобы предаться там негодяйству. Достаточно взглянуть на эту харю, чтобы оценить и остальное, не смотря даже на костюм. И кто такого родил? И кто такого выкормил? А посмотрите на его матроса, как он глубоко несчастен!»³³ На происхождение фотоснимков так называемой «морской серии» проливают свет некоторые мемуаристы. Об одной из поездок 1914 г. на парусной яхте «Далекий» писал Л. А. Андреев-Алексеевский: «Путь шел из Гельсингфорса в Териоки. Экипаж судна состоял из капитана Л. Андреева, его жены Анны Ильиничны, механика Николая и главной судомойки — А. А. Оля».³⁴ О совместном путешествии на «Далеком» этого же периода вспоминал и А. А. Кипен, особо отмечая, что Андреев затеял «такую красивую волнующую игру» в «морского волка» и тем самым «расточает не столько любви к жизни, столько творческого энтузиазма», вызывая насмешки обывателей. В путешествии был взят фотоаппарат: «Все подробности корабельной жизни увековечиваются на желатиновых пластинках».³⁵

В письме не позднее 21 июля (3 августа) 1908 г. Андреев пригласил:

«Дорогой Федор Федорович! Очень рад буду повидать Вас и побеседовать. Приезжайте ко мне (Райвола, Черная речка, своя дача) в воскресенье 3-го августа с утра, буду ждать Вас. Не назначаю раньше, т. к. сейчас моя жена нездорова (у последней ангина 39 °).

Крепко жму руку.

Леонид Андреев».³⁶

Разумеется, вездесущий и любознательный Фидлер не упустил возможность посетить предмет гордости Андреева — только что построенную дачу, и на следующий день подробно описал свою поездку и впечатления.³⁷ Очевидно, именно об этом посещении сообщал корреспондент «Новой Руси», встретивший на станции Белоостров возвращавшегося из Ваммельсуу Фидлера с бережно запакованным большим портретом Андреева («подаренном ему оригиналом»). В

беседе с корреспондентом Фидлер рассказал о «вилле, построенной в северном стиле», о том, что застал у Андреева Репина, и особо подчеркнул стремление писателя к уединению.³⁸

На приглашение же Андреева в свой «музей» Фидлер потратил немало усилий. «<...> Ах, Леонид Николаевич! — писал он 10 сентября 1908 г. — Не были Вы у нас в Старожилровке,³⁹ не утешили жену мою!⁴⁰ Так порадайте же несказанно и ее и меня: исполните же обещание: навестите нас здесь! Я дома бываю по будням от 6 до 7 веч., а по праздникам до 1 ч. Но если Вы мне заблаговременно напишете, что будете как-нибудь на неделе днем, то я могу раз и пропустить гимназию или институт.

Анна Ильинична любезно выразила желание ознакомиться с моим „музеем“! Милости прошу, очень рад буду, очень! Почтительнейший привет ей! Итак, — пожалуйте, Леонид Николаевич!!!

Крепко жму Вашу руку.

Ф. Фидлер.

С вашим большим портретом произошла целая история в Белоострове — неточно и неполно переданная Плещеевым в „Руси“.⁴¹

При очевидной симпатии и интересе к Фидлеру Андреев, судя по всему, не откликнулся на этот «крик души». Одна из причин, возможно, состояла в особенностях характера писателя, испытывавшего трудности в общении.⁴² Однако, Фидлер не оставляет надежду и пишет 31 января 1909 г.:

«Уважаемый Леонид Николаевич!

Позвольте, после долгих месяцев тщетного ожидания, вновь напомнить Вам <нрзб.> о Вашем письменном и устном обещании — посетить меня и мой литературный „музей“. Всю будущую неделю я с утра к Вашим услугам. Лучше было бы, если бы Вы пожаловали к завтраку (7 ч.) и не только заранее предупредили меня открыткой о дне Вашего посещения, но и назвали мне того и другого из Ваших добрых знакомых — писателей, которых Вам было бы приятно у меня увидеть.

Искренне Вам преданный.

Ф. Фидлер.

Осчастливьте мою бедную больную жену своим приездом, Леонид Николаевич!!!!»⁴³

Со свойственным ему упорством, Фидлер спустя год, 11 января 1910 года, возобновляет приглашение:

«Глубокоуважаемый Леонид Николаевич!

Простите, что так поздно — но не менее сердечно благодарю Вас за присыл „первых литературных шагов“.⁴⁴

Спасибо Вам также за любезное приглашение. Я им воспользуюсь в одно из воскресений <1 нрзб.> намек на смерть зимы и рождение весны. Приеду, вероятно, с А. А. Измайловым,⁴⁵ Вашим и моим другом. Авось нам вдвоем удастся уговорить Вас: наконец-таки

исполнить свое многолетнее обещание посетить меня, мою жену и мой „музей“!!!!

Ваш Ф. Фидлер». ⁴⁶

Мольбы (усиленные все возрастающим количеством восклицательных знаков) были услышаны, и в маленьком карманном альбоме Фидлера, озаглавленном «У меня», появилась лаконичная запись: «Был и еще буду. Леонид Андреев. 25 марта 1911 г.» ⁴⁷

Следует отметить, что многочисленные альбомы, заполненные автографами и рисунками, составляли особую часть коллекции Фидлера. В зависимости от ситуации они носили заглавия: «У меня», «В гостях», «В ресторане», «В пути», «Товарищеские обеды», «4.XI» (день рождения Фидлера), «Всероссийское литературное общество», «Поминки».

Известный актер и писатель Н. Н. Ходотов вспоминал о Фидлере: «Маленькая фигурка его в аккуратном стареньком сюртучке постоянно присутствовала на всех литературных юбилейных чествованиях, обедах и ужинах с неизменным альбомом в кармане для автографов, зарисовок... И кто только не писал ему в них из лиц, причастных к литературе, науке и искусству. Там были стихи, изречения, сатиры, карикатуры, ноты, рисунки, ему все было ценно, все на руку». ⁴⁸

Автографов Леонида Андреева в таких альбомах немного. Приведем те из них (из серии «В гостях»), которые, несомненно, заслуживают внимания, напоминая о значимых событиях в жизни писателя.

Первой записи предшествовало письмо: «Дорогой Федор Федорович! Буду очень рад видеть Вас в понедельник 9 августа. Это день ужасный для меня: мне исполняется ровно 39 лет, и я перестаю быть молодым человеком. Приезжайте! Ваш Леонид Андреев. 6/19 августа 1910». ⁴⁹

Разумеется, Фидлер не мог оставить без внимания подобный призыв, и прибыл в гости к писателю с «неизменным альбомом».

Памятуя о забывчивости литераторов, Фидлер обычно сам предварял их записи обозначением события, места и даты:

«У Леонида Андреева в 39 год его рождения 9/22 авг. 1910». ⁵⁰

Далее рукой Андреева:

«Для каждого человека мир есть зеркало, в которое он смотрит-ся. И всегда и во всем мир равен мне — ни больше, ни меньше, ни выше, ни ниже, ни глупее, ни умнее.

Об этом думаю я последние дни.

Леонид Андреев.

9 августа 1910». ⁵¹

Несколько дней спустя в таком же альбоме Фидлер зафиксировал не менее важное событие в жизни писателя: «В „Шиповнике“, на чтении пьесы „Океан“ Леонида Андреева. 25 сент. 1910». ⁵²

Первоначально предполагалось авторское чтение. Издательством «Шиповник» были отпечатаны и разосланы приглашения тако-

го содержания: «Т-во „Шиповник“ и Л. Н. Андреев просят Вас пожаловать в субботу 25 сентября: в помещении редакции (Николаевская 31, кв. 1) Л. Н. Андреев прочтет свою пьесу „Океан“. Начало чтения ровно в 10 час. вечера». ⁵³

Газеты, не обошедшие вниманием это событие, поместили разноречивые отзывы. В одних говорилось об авторском исполнении в «кругу немногих избранных», ⁵⁴ в других о том, что «лирическую поэму, „суровую и изжную, пропитанную суровым запахом моря“», ⁵⁵ в присутствии «около 100 представителей петербургского литературного, артистического и художественного мира», ⁵⁶ читал Н. Н. Ходотов. Сам актер позднее вспоминал: «<...> в издательстве „Шиповник“ читал перед кружком литераторов андреевский „Океан“». ⁵⁷

На этом разногласия и неточности не кончаются. Говоря о «бурных спорах», которые «закипали во время перерывов» и затянули чтение далеко за полночь, некоторые журналисты пересказывали возникшее затем обсуждение «под председательством С. А. Венгерова». ⁵⁸ «После окончания пьесы, на особом листе желающим было предложено охарактеризовать пьесу в нескольких словах», — сообщает одна газета. ⁵⁹ Другой неподписавшийся журналист располагает несколько иными сведениями: «В книгу, куда присутствующим предоставлено было заносить свои впечатления и мнения (sic!), Л. Н. Андреев записал: „Сегодня в первый раз слушаю «Океан». Звучит странно, как мое: печаль моя,,». И далее журналист не удерживается от иронии: «Но не напоминает ли Вам эта книга, столь предусмотрительно положенная перед присутствующими для занесения приличных случаю похвал, те находящиеся обычно у швейцаров книги, в которых по праздничным дням провинциальным чиновникам „предоставлено“ расписываться в своих чувствах к начальству?» ⁶⁰

Спустя годы Н. Н. Ходотов также вспоминал о «книге» и вводил ту же запись Андреева, но уже со своим вариантом второй фразы: «Звучит странно, как „печаль моя“». ⁶¹

На самом же деле речь шла все о том же маленьком, «карманном» альбоме Фидлера «В гостях», сохранившем подлинную запись: «Сегодня я первый раз слушаю „Океан“. Звучит странно, но мое: печаль моя. Леонид Андреев 25 сент. 910». ⁶²

По окончании чтения «<...> наступает самый интересный момент. Просят автора дать свое пояснение. Андреев встает и начинает говорить нервно, отрывисто <...> И неожиданно перед слушателями раскрывается самый процесс творчества Леонида Андреева <...> И обрывки из пьесы и образы тут же творимые, порою смутные для самого творца, сменяют один другой». ⁶³

«Во время обсуждений, уловив скрытый протест кого-то из присутствующих по поводу его манеры брать трагедийные сюжеты, ставить мировые вопросы, Леонид Николаевич воодушевился, — вспоминала атмосферу вечера В. Е. Беклемишева.

Он произвел блестящую защитительную речь, вводил слушателей в глубину своего творческого „я“. Говорит о пределах человеческого разума, о муках хотящего знать, о великой печали Человека. О том, как мысли, облекаясь в форму образов, мучают и как говорящий

бывает их жертвой. Говорил, что никто не заметил главного лица трагедии — Океана. А без этого лица нет трагедии.

<...> Это была импровизация человека, обладающего исключительным даром слова, острым самоанализом, удивительной фантазией, вдохновенно творящего тут же на наших глазах.

Когда он кончил, все молчали, так взволновала всех бурная и полная страстного вдохновения импровизация.

Об этом чтении „Океана“ писали много и подробно все критики, бывшие на вечере». ⁶⁴

Журналисты также наперебой цитировали резюмирующее выступление Андреева, перечисляли наиболее известных слушателей пьесы, пересказывали их размышления и споры. «Следы» этого обмена мнениями (подчас в шутливой форме) мы находим на соседних страницах того же фидлеровского альбома. ⁶⁵ Правда, некоторые из присутствующих либо выразились слишком кратко, либо ограничились подписью: И. А. Бунин, А. М. Федоров, А. М. Ремизов, Ф. Сокологуб, В. Азов (Ашкинази В. А.).

«Просто досадно отнимать страницу для скромной подписи», — сетует автор одной из первых монографий об Андрееве — К. И. Арабажин (л. 7 об.). ⁶⁶

Соседнюю с авторской записью страницу занял набросок тушью мужского портрета в профиль с пояснением Фидлера о том, что изображенный — Леонид Андреев, а художник — Троянский. ⁶⁷

«Снова я в Петербурге, в этом отечестве писателей русских», — радуется Скиталец (Петров С. Г.) (л. 9 б.). «Всегда приятно встретиться с добрым, хорошим, старым другом и с его неизменной памятной книжкой», — не обходит вниманием Фидлера один из главных участников вечера — Н. Н. Ходотов (л. 11).

«Трозфию ⁶⁸ любезному
В океановую ночь
Написать четверостишие
Я совсем, совсем не прочь», —

вторит ему С. М. Городецкий (л. 10 об.).

«Первые сцены „Океана“. — Сила красоты в красоте силы», — переходит к оценке прослушанного К. А. Эрберг (Сюннерберг) (л. 7 об.). «В перерыве между блестящими страницами „Океана“» взял в руки альбом московский литератор Петр Кожевников (л. 8). ⁶⁹

Вопросом аббата к главному герою «Скажи, Хаггарт, зачем ты отнял жизнь у Филиппа?» — обозначил трагический накал пьесы В. Г. Богораз (Тан) (л. 10). ⁷⁰ «Вперед, в высоту!» — подчеркнул ее романтическую направленность народоволец и поэт Н. А. Морозов и изобразил рядом маяк Святого Креста, упомянутый в авторских ремарках пьесы (л. 7). ⁷¹ «Истинно высокое произведение художника всегда близко его автобиографии», — написал чуть ниже Осип Дымов.

Заслуживают внимания и стихотворные «отклики»:

«Кто не пленялся „Океаном“:
В нем ропот волн, сверканье пен;
И я там был, но он кораном

Не стал мне, телом бездыханным
Я стал, решив, что плен есть плен.

Потемкин» (л. 6).⁷²

«Я океан назвал бы море:
В нем корень „мор“, в нем древний стих,
В его мятущемся просторе
Глубины дум твоих... моих...

Гр. Алексей Н. Толстой» (л. 6 об.).

«И „да“ и „нет“ сольются,
И смерть мне будет — свет!

Из Гиппиус. Тэффи» (л. 10).⁷³

«И поздно, почти под утро, расходились слушатели, унося смутные впечатления от этой смеси глубокого и мелкого, наивных мыслей и ярких образов, примитивных исканий и вспыхивающих, как молнии, художественных достижений»...⁷⁴

На следующий день один из слушателей — Ф. Ф. Фидлер — так описал это событие в своем дневнике:⁷⁵

«26 сентября 1910

Вчера приглашен в помещение издательского товарищества „Шиповник“, где Леон<ид> Андреев должен был читать свой „Океан“. Однако вместо него („Я не умею читать вслух“) читал Ходотов. Андреев обнял меня: „Я собирался на днях непременно зайти к Вам. Но если бы Вы знали, как я *замотался!* Сегодня я ночную у Фальковского,⁷⁶ завтра же с утра сделаю все от меня зависящее, чтобы навестить Вас.⁷⁷ А можно ли зайти *под хмельком?*“ По поводу всего общества (собралось примерно сто пятьдесят человек; великолепное угощение и ужин в два часа ночи) Андреев сказал: „Базар“ и стал расхваливать уют и сердечность москвичей. Он пил, весьма умеренно, коньяк и красное вино. Мне удавалось лишь изредка и урывками приблизиться к нему — его постоянно окружали люди.

О самой пьесе у меня нет абсолютного никакого мнения: я никогда не могу уловить того, что читается вслух (и что я сам до этого не читал). В три часа ночи, когда начались дебаты (под председательством Венгерова), я отправился домой.

Присутствовали актеры, художники, юристы. Из писателей были: Сологуб с Чеботаревской, Потемкин, граф А. Н. Толстой, Дымов, Репин с Северовой, Н. А. Морозов с женой, Ремизов (очень бледный; жаловался на язву желудка), Овсяннико-Куликовский, Тэффи, Аверченко (первое знакомство), Чуковский, Арабажин, Саша Черный (Гликберг), А. М. Федоров, Боцяновский, Батюшков, Аничков, Кожевников, С. М. Городецкий, Бунин, Скиталец (Г. С. Петров, в черном костюме), Владимир Азов.⁷⁸

С каждым и каждой я мог обменяться в этой тесноте (несмотря на громадные комнаты) лишь несколькими незначительными словами».⁷⁹

Добрые взаимоотношения Ф. Фидлера и Леонида Андреева продолжались и в дальнейшем. Об этом говорят, в первую очередь,

дневниковые записи последующих лет с многократными упоминаниями о встречах с писателем, о его произведениях, нередко становящихся событием культурной жизни, верным летописцем которой до конца своих дней оставался Федор Федорович Фидлер.

¹ Обширную библиографию, посвященную Ф. Ф. Фидлеру, см. в статье К. М. Азадовского и Р. Д. Тименчика «К биографии Н. С. Гумилева. (Вокруг дневников и альбомов Ф. Фидлера)» (Русская литература. 1988. № 2. С. 171—186).

² Немец, каких немного // *Задуманное слово*. 1909. Т. 50. № 5, 29 нояб. С. 1. — Без подписи.

³ Там же. С. 2.

⁴ Из письма А. А. Коринфского к С. Д. Дрожжину от 7/20 сентября 1924 г. (см.: *Иванова Л. Н.* Архив С. Д. Дрожжина // Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 75).

⁵ *Влас*. К писательской выставке. От нашего петербургского корреспондента // Утро России. 1909. 1 дек.

⁶ К юбилею Ф. Ф. Фидлера // *Обозрение театров*. 1909. 17 нояб. — Без подписи.

⁷ *Либрович С. Ф.* Фидлеровский музей русских литераторов. СПб., [1906]. Экземпляр этой книги хранится в Пушкинском Доме в составе собрания другого выдающегося коллекционера, современника Фидлера, Александра Федоровича Онегина (Отго) (1845—1925), с его пометами (Библиотека ИРЛИ, шифр: 19376/114). Судьба «онегинского собрания» сложилась, к счастью, гораздо более благополучно: согласно воле владельца, оно в 1928 году в полном составе поступило в Пушкинский Дом. См.: «Тень Пушкина меня усыновила» (Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина). Каталог выставки. СПб.; Кембридж; Болонья, 1997.

⁸ *Иванова Л. Н.* Архив С. Д. Дрожжина. С. 74—75, 88—89.

⁹ Плодотворная работа по освоению дневников Фидлера ведется К. М. Азадовским. Ему принадлежат публикации фрагментов о Блоке, Горьком, Достоевском, Есенине и Клюеве, В. И. Иванове, Чехове и др. (см. библиографию в указанной выше статье К. М. Азадовского и Р. Д. Тименчика), а также издание дневников: *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt: Charakterzüge und Urteile. Tagebuch / Herausgegeben von Konstantin Asadowski. Göttingen, 1996.

¹⁰ Цитируется по изданию: *Азадовский К. Ф.* Фидлер. Встречи с Горьким // Литературное обозрение. 1984. № 8. С. 103.

¹¹ Текст публикуется по изданию: *Fiedler F.* S. 333—336 — в переводе К. М. Азадовского, подготовившего к печати русское издание дневников Фидлера.

¹² В письмах 1905 года Андреев сообщал свой адрес: «Ваммельсуу, дача Лыжина». Дочь Вера (1910—1986) вспоминала, что вскоре после смерти отца, ее и брата Валентина (1912—1988) учили братья Лыжины — Юрий Петрович и Павел Петрович, жившие «в красивой даче на берегу Черной речки» (*Андреева В.* Дом на Черной речке. М., 1980. С. 153).

¹³ Речь идет об «Альбоме автографов, собранных Ф. Ф. Фидлером», содержащем около 400 записей на русском и немецком языках 1880-х — 1910-х годов (Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 518, оп. 2, № 13; далее — РГАЛИ). Возможно, именно об этом фолианте писал один из восхитенных посетителей фидлеровского музея: «Отдельно от всех других номеров своей коллекции, Фидлер хранит небольшую, но очень толстую книжку, носящую название „Альбом автографов Ф. Ф. Фидлера“. Этот альбом автографов, мыслей, изречений, набросков, стихотворений, шуток и пр., занесенных собственноручно русскими писателями последнего 25-летия. Кого только тут нет! Здесь представлена, в мыслях, изречениях и подписях, почти вся русская пишущая братия последней четверти века» (*Либрович С. Ф.* Указ. соч. С. 17—18).

Наряду с автографами известных немецких и австрийских литераторов, таких как Ф. Боденштедт, Р. М. Рильке, Г. Фрейтаг, М. Кретцер и др., в альбоме в большинстве своем представлены русские писатели: Д. В. Григорович, Я. П. Полонский, Н. С. Лесков, Н. К. Михайловский, И. А. Бунин, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, Тэффи, К. И. Чуковский, С. А. Венгеров и др.

¹⁴ *Францоз Карл Эмиль* (1848—1904) — австрийский прозаик, публицист, журналист, издатель журнала «Немецкая поэзия». *Шпильхаген Фридрих* (1829—1911) — немецкий писатель, журналист, поэт, драматург, теоретик литературы, творчество которого

(в первую очередь, романы) было популярно в России. В 1884 г. Шпильгаген приезжал в Петербург, где состоялась постановка его драмы «Спасена»; в 1896—1899 годы в Петербурге издано собрание его сочинений в 23-х томах. *Штинде Юлиус* (1841—1905) — немецкий поэт, прозаик, журналист, драматург. Большой популярностью пользовались его юмористические рассказы о семье Бухгольц (см. в русском переводе: Семейство Бухгольц. СПб., 1886; Госпожа Бухгольц на Востоке. СПб., 1889). В Пушкинском Доме хранится фотопортрет Штинде с надписью Фидлеру (Берлин, 1894). Опубликовано в книге: *Fiedler F. S.* 151.

Записи в альбоме Францоza, Шпильгагена от 13 июня 1891 г. и Штинде от 2 июня 1894 г. были сделаны во время поездок Фидлера в Берлин (РГАЛИ, ф. 518, оп. 2, № 13, л. 55, 57, 81).

¹⁵ *Раковица (урожд. Деннигес, во 2-м браке Фридман, в 3-м Шевич; 1843—1911) Мария Жозефина Елена* — дочь баварского дипломата, актриса, мемуарист. Окончила жизнь самоубийством. Не случайно, увидев в альбоме этот автограф, Андреев вспомнил о Фердинанде Лассале (1825—1864), немецком философе, политическом деятеле, драматурге: Лассаль скончался после дуэли с женихом актрисы — румынским дворянином Янко Гехан фон Раковиц (? — 1866).

К сожалению, письмо Раковицы ни в данном альбоме Фидлера, ни в его обширной корреспонденции обнаружить не удалось: возможно, оно отклеилось от альбомной страницы и его постигла судьба многих других утраченных автографов из этой коллекции. Однако дальновидный собиратель воспроизвел упоминаемое письмо от 8 ноября 1897 г. в своем дневнике за 16 ноября того же года (РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 1, № 3, л. 85—85 об.).

¹⁶ Единственный автограф Семена Соломоновича Юшкевича (1868—1927) в данном альбоме Фидлера: «А все остальное само собой приложится, ибо обо всем и за всех подумал тот, кто правит верх. Семен Юшкевич 15 ноября, 1901» (Л. 241 об.). Этой фразой Юшкевич, очевидно, продолжил мысль, высказанную в четверостишии В. Е. Чехихина-Ветринского 1898 года (на нем. яз.), призывавшего иметь совершенные помыслы, быть романтиком в жизни и классиком в искусстве (Там же). Об отношении Леонида Андреева к Юшкевичу и его творчеству см., например, в письме к К. П. Пятницкому от 19 июня 1904 г.: «Он талантлив, но не умен. Как сорока, он любит все блестящее, яркое и, как сорока, без разбору пихает вместе с бриллиантом кусочек стекла или жестянку от консервов. <...> Не будь у Юшкевича дурацкого самоомнения, Алексей (Горький. — Л. И.), если бы взялся, мог бы сделать из него человека <...>» (Из писем Л. Андреева — К. П. Пятницкому / Вступит. статья, публ. и коммент. В. Чувакова // Вопросы литературы. 1971. № 8. С. 163).

¹⁷ Ср. фрагмент беседы с Андреевым из воспоминаний М. Горького: «А вот я не умею писать стихи, да и желания нет. <...> Все-таки стихи — искусственное дело, как хочешь» (Книга о Леониде Андрееве: Воспоминания. Пг.; Берлин, 1922. С. 13).

¹⁸ Позднее Андреев нередко диктовал своей второй жене Анне Ильиничне (урожд. Денисевич, в 1-м браке Карнищкая; 1885—1948): «В большинстве случаев он диктует, а его жена, Анна Ильинична, пишет на машинке» (*Бруснян В. В.* Леонид Андреев: Жизнь и творчество. М., 1912. С. 21).

¹⁹ Стереоскоп Андреева и множество его фотографий, в том числе автопортретов, хранятся ныне в Литературном музее Пушкинского Дома.

²⁰ Рассказ «В тумане» опубликован в 1902 г. (Журнал № 12); повесть «Жизнь Василия Фивейского» — в 1904 году (Сборник товарищества «Знание». СПб. Кн. 1).

²¹ *Федоров Александр Митрофанович* (1868—1949) — одесский литератор, популярный в 1900-е гг. Возможно, одной из причин неприязни к нему Андреева было отношение Горького: Федоров стремился к сотрудничеству в издательстве «Знание» и к сближению с его кругом, а Горький неизменно отвергал присланные им произведения (см.: *Семеновский О. В.* У истоков новой литературы. В борьбе за Горького. Спор о Горьком в Бессарабской печати. Горький и литературная Одесса. Кишинев, 1974. С. 294—300).

²² Имеется в виду старший сын Андреева Вадим (1902—1976), впоследствии поэт, прозаик, автор нескольких книг о детстве и об отце.

²³ Замечание Фидлера вызвано записью в его альбоме, сделанной Андреевым, — фрагментом антивоенного рассказа «Красный смех»: «Вы притворяетесь людьми, но под перчатками я вижу когти, под шляпою — приплюснутый череп зверя; за вашей умной речью я слышу потаенное безумие, бряцающее ржавыми цепями и всею силою моей скорби, моей тоски, моих опозоренных мыслей я проклинаю вас, несчастные слабоумные звери. „Красный смех“. Леонид Андреев. Ваммельсуу. 23 июня 1905 г.» (РГАЛИ, ф. 518, оп. 2, № 13, л. 284 об.). Рассказ, написанный в ноябре 1904 года и опубликованный в «Сборнике товарищества „Знание“ за 1904 год» СПб., 1905. Кн. 3. С. 268—

348), вызвал оживленную полемику (обзор критической литературы о нем см.: *Иезутова Л. А.* Творчество Леонида Андреева. 1892—1906. Л., 1976. С. 157—170) и еще долго занимал мысли автора. В донесении Петербургского охранного отделения от 5 августа 1905 года сообщалось о литературно-музыкальном вечере в Териоках, организованном 30 июля 1905 г. М. Ф. Андреевой, где «Андреев прочел рассказ „Красный смех“, в котором рисуются все ужасы войны» (Мария Федоровна Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М. Ф. Андреевой. М., 1968. С. 102).

²⁴ Речь идет о принятой Николаем II-м 6 июня в Петергофе депутации от земского съезда с просьбами о решении острых политических вопросов и спасении престола.

²⁵ В беседе с Фидлером Андреев затронул один из особенно волнующих его аспектов полемики вокруг «Красного смеха». Ср. также его письмо от 28 января 1905 года к О. Дымову (Перельман О. И.): «Некоторые — немногие, впрочем, — упрекают меня, что я взялся изображать то, чего не видел, такой упрек представляется мне положительным недоразумением. При существовании „Божественной комедии“, „Каина“, „Фауста“ и пр. и пр. это просто bestulково» (цитируется по изд.: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М., 1965. С. 583 (Литературное наследство; Т. 72)). Дружески расположенный к Андрееву В. В. Вересаев вспоминал: «Мы читали „Красный смех“ под Мукденно, под гром орудий и взрывы снарядов, и — смеялись. <...> „Красный смех“ — произведение большого художника-неврастеника, больно и страстно переживавшего войну через газетные корреспонденции о ней» (Реквием: Сборник памяти Леонида Андреева / Под ред. Д. Л. Андреева и В. Е. Беклемишевой. М., 1930. С. 148).

²⁶ Речь идет о рассказе «Так было», датированном октябрем 1905 года и опубликованном в Штутгарте с подзаголовком «Очерк из эпохи французской революции» (Stuttgart: J. H. W. Deitz; Nachfolger Druck von Rosenthal & Co, Berlin, 1906), а затем в сборнике «Факелы» (СПб., 1906. Кн. 1. С. 65—102). Рассказ — своеобразная попытка разрешения волнующих Андреева вопросов о природе тирании и рабства, о действительности революционных методов борьбы с самовластием.

²⁷ Ср. сетования Андреева в письме к Горькому от 22 июля [4 августа 1907 года]: «Живу я широко и весело. Куоккала, песок, терраса, через забор смотрят дачники, спрятаться некуда (идет перечисление известных литераторов. — Л. И.) <...> Спасаясь на день, на два на Черную речку, но и там — пронюхали. Купил там кусочек горки и строю крепость, буду прятаться зиму и лето» (Литературное наследство. Т. 72. С. 284). «Я мечтаю о работе в собственной даче на Черной речке около Райвола, которую я строю, — сообщил Андреев корреспонденту „Биржевых ведомостей“. — Она будет называться „Вилла аванса“, потому что и она строится в счет будущих благ. <...> Это место облюбовано мной. Там совершенная тишина и безлюдье. Этого не было в Куоккала, где приходилось даже вывешивать у калитки записку, протеста против бесцеремонных людей, до неприличия надоедливо осаждавших дачу» (*Аякс*. У Леонида Андреева // *Биржевые ведомости*. 1907. № 10225).

²⁸ В письме от 2/15 марта 1907 г. к В. В. Вересаеву Андреев, сочувствуя его душевной усталости, вспоминает о своем состоянии после завершения «Красного смеха»: «Восемь месяцев голова моя была разбита, я не мог работать и думал, что и никогда не в состоянии буду. А были дни, когда прямо — вот-вот с ума сойду. Вылечил себя я сам — бросил работу, читал Дюма и Жюль Верна, лодка, велосипед, купанье, за лето поглупел, как министр, — и осенью свободно мог приняться за работу» (Реквием. С. 168).

²⁹ Добрые отношения и взаимный интерес связывали художника и писателя. В письме к Ф. Д. Батюшкову от 12 января 1903 г. Репин восторженно отзывался о рассказе Андреева «В тумане», называя автора «большим талантом», — «выше Горького» (*Репин И. Е.* Избранные письма в 2-х т. 1867—1930. Т. 2: Письма 1893—1930. М., 1969. С. 171—172). Весной и летом 1905 г. Андреев часто виделся с художником в Куоккале — на даче Горького и в репинских «Пенатах» — центрах притяжения петербургских деятелей литературы и искусства. Знаменитая серия фотографий К. К. Буллы 27 мая 1905 г. запечатлела Андреева с женой среди посетителей «Пенат».

Первый портрет Андреева был написан Репиным в 1904 году (хранится в Государственной Третьяковской галерее), но по совету В. В. Стасова, не одобрявшего эту работу, был задуман второй. Жена художника, Н. Б. Нордман, писала Стасову 5 февраля 1905 г.: «Читаем „Красный смех“. <...> Согласие написание портрета Андреева получено. Послушание, как видите, полное» (И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка. В 3-х т. М.; Л., 1950. Т. 3. С. 85). Позднее, 31 июля того же года, художник сообщил своей петербургской приятельнице: «Андреева я начал уже другой портр<ет>, такой он милый человек, так близок сердцу, как родной» (*Репин И. Е.* Письма к Е. П. Тахановой-Антокольской и И. Р. Таханову. Л.; М., 1937. С. 44). Немецкий литератор и переводчик произведений Андреева А. К. Шольц вспоминал: «<...> Репин работает над портре-

том Леонида Андреева, который приезжает на сеансы с „Черной речки“, живописной дачной местности, лежащей к северу близ Райволы. Андреев очень дружен с Горьким и часто бывает у него в гостях» (Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М., 1965. С. 584). Этот известный портрет Андреева в красной рубашке был показан на 34-й передвижной выставке 1906 г. (ныне хранится в Художественном музее Омска). Репину также принадлежат: портрет маслом Андреева на яхте 1912 г. (хранится в Тверской областной картинной галерее) и карандашные 1908 и 1913 годов. С репинскими иллюстрациями вышел «Рассказ о семи повешенных» (М., 1909), изданный в пользу бывших шпильсельбуржцев. Репину Андреев посвятил рассказ «Иго войны: Признания маленького человека о великих днях» (Литературно-художественные альманахи изд-ва «Шиповник». Пг., 1916. Кн. 25. С. 147—233). О продолжительном творческом и человеческом общении свидетельствуют и другие мемуарные и эпистолярные источники. Так, в письме к Ан. Н. Чеботаревской от 4 мая 1915 г. Репин благодарит ее и Сологуба за проведенный накануне в их доме «интереснейший вечер» и добавляет: «Как я рад был видеть Леонида Ник<олаевича> опять с волосами и бородой — такой он милый, глубоко-мудрый, а уж талантлив!.. <...> Особенно тронуло меня объяснение его — индивидуализма, столь облагороженное и возвышенное вселенской Волею» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 233, л. 1 об.). См. также подробное письмо Репина Андрееву от 28 января 1917 г. о работе над портретами Пушкина (Репин И. Избранные письма. Т. 2. С. 317—320).

³⁰ Андреева (урожд. Велигорская) Александра Михайловна (1881—1906) — первая жена Леонида Андреева (с 1902 г.). Скончалась после родов второго сына Даниила, в Берлине.

³¹ Литературный музей ИРЛИ. Инв. № 38903.

Неточная цитата из четвертой картины трагедии «Анатэма»:

«Молодой еврей (трубит в измятую трубу).

Но почему же она может только в одну сторону? Такая хорошая труба» (СПб.: Шиповник, 1908. С. 90).

³² Шутливые автопрозвища связаны, очевидно, с псевдонимом Андреева — фельетониста «Курьера» — «Джемс Линч» и персонажем романа одного из его любимых писателей Ж. Верна «Таинственный остров».

³³ РГАЛИ, ф. 518, оп. 1, № 20, л. 3—3 об.

³⁴ Андреев-Алексеевский Л. А. На даче у Леонида Андреева (Из воспоминаний) // Андреевский сборник: Исследования и материалы / Под ред. Л. Н. Афонина. Курск, 1975. С. 251 (Науч. труды Курского гос. пед. ин-та; Т. 37). Алексеевский (Андреев) Леонид Аркадьевич (1903—1974) — младший сын сестры писателя Риммы Николаевны Андреевой (в 1-м браке Алексеевская, во 2-м Оль, в 3-м Верещагина; 1881—1941). Оль Андрей Андреевич (1883—1958) — архитектор, близкий друг Андреева и второй муж его сестры Риммы. По проекту Оля в 1907—1908 гг. для Андреева была построена дача в Вамельсуу. См. о нем: Быкова Г. Д. Андрей Оль. Л., 1976.

³⁵ Реквием. С. 182.

³⁶ Датируется по почтовому штемпелю на тексте открытки: «Terijoki / Териоки. 3.VIII.08». На «адресной» стороне — еще два штемпеля: «Terijoki / Териоки. 6.VIII.08» и «Больше-Парголово. СПб. 25. 7.08» (РО ИРЛИ, ф. 123, оп. 1, № 1013, л. 1 об.).

³⁷ Дневник Фидлера, запись от 4 августа 1908 г.: РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 1, № 13, с. 173—183 (нумерация страниц в дневниках здесь и далее — Ф. Ф. Фидлера).

³⁸ «На своей вилле Андреев нашел покой; посещает его ограниченный кружок, так как от станции езды полчаса» (Плещеев А. Разное // Новая Русь. 1908. № 12).

³⁹ Адрес на открытом письме Андреева к Фидлеру от 21 июля (3 августа) 1908 г.: «Деревня Старожилковка, д. Ларионовой. Финл. жел. дор., станция Парголово» (РО ИРЛИ, ф. 123, оп. 1, № 1013, л. 1).

⁴⁰ Речь идет о Любови Михайловне Фидлер (урожд. Соколова; 1868—1915).

⁴¹ РГАЛИ, ф. 11, оп. 1, № 218, л. 1.

⁴² См., например, недатированное письмо Андреева к В. В. Вересаеву: «<...> Вот и „гости“ я ходить не умею, как-то нелепо боюсь чужого дома. Никуда и не хожу. А стоит иногда преодолеть и прийти, чувствую себя очень приятно, пью чай и думаю: „всегда буду ходить в гости“. <...> И, конечно, в гостях, видя мою развязность и неестественность, никто и не подумает и не поверит, каким холодным потом обливался я на извозчике.

Не думаю, чтобы это была какая-нибудь „болезнь“, но свойство характера, скверное и вредное. За него я достаточно наказан безлюдием, в котором живу <...>» (цитируется по изд.: Андреев П. Н. Воспоминания о Леониде Андрееве // Литературная мысль. 1925. № 3. С. 189).

⁴³ РГАЛИ, ф. 11, оп. 1, № 218, л. 3.

⁴⁴ Речь идет об автобиографии Андреева, датированной январем 1910 года, написанной по просьбе Фидлера для составленного им сборника «Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей» (М., 1911. С. 27—32). В архиве Андреева сохранился «опросный лист», рассылаемый предполагаемым участникам издания, с припиской составителя: «Я пережил свои желанья» (РГАЛИ, ф. 11, оп. 1, № 218, л. 6). Возможно, этой пушкинской цитатой Фидлер также выразил сожаление о неисполненном желании видеть у себя Андреева. См. также письмо к Фидлеру О. Дымова от 28 октября 1909 г.: «Я был вчера у Леонида Андреева, он просит Вас прислать Ваши вторые пункты (потерял); он непременно ответит Вам» (РГАЛИ, ф. 518, оп. 1, № 87, л. 2).

⁴⁵ *Измайлов Александр Алексеевич* (1837—1921) — журналист, критик, автор статей о творчестве Андреева.

⁴⁶ РГАЛИ, ф. 11, оп. 1, № 218, л. 4. Судя по дневнику 1910 г., в ближайшие месяцы Фидлер не посещал Андреева.

⁴⁷ РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 2, № 37, л. 1. В дневнике за 26 марта 1911 г. Фидлер подробно описал это посещение (РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 1, № 14, с. 347—350).

⁴⁸ *Ходотов Н. Н.* Близкое — далекое. Л.; М., 1962. С. 207.

⁴⁹ РГАЛИ, ф. 518, оп. 1, № 20, л. 1.

⁵⁰ Типичная ошибка при переводе в XX в. дат XIX в. на новый стиль: вместо 12 дней, как положено в XIX в., к дате прибавляется 13 дней, что правомерно лишь для XX в. Таким образом, Андреев родился 9(21) августа 1871 г.

⁵¹ РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 2, № 2, л. 24 об. Эта запись приведена в дневнике Фидлера за 13 августа 1910 г.: ф. 649, оп. 1, № 13, с. 288—289. Подробный рассказ о посещении Андреева в Ваммельсуу см. в дневнике за 9 августа 1910 г.: там же, с. 272—281.

⁵² РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 2, № 3, л. 6.

⁵³ См. такое приглашение в фонде С. А. Венгерова, присутствовавшего на чтении: РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 4, № 129. Позднее Венгеру было подарено издание пьесы с надписью: «Семену Афанасьевичу Венгеру с уважением и сердечной признью Леонид Андреев 1911» (*Андреев Л.* Океан. Трагедия в семи картинах / Рис. Б. Анифельда. СПб.: Прометей, [1901]) (Библиотека ИРЛИ, шифр: L 75).

⁵⁴ Литературные ракушки // Новое время. 1910. 3 окт.; Леонид Андреев о новой пьесе «Океан» // Наш журнал. 1910. № 5. С. 28.

⁵⁵ *Любош С.* На чтении «Океана» // Речь. 1910. 27 сент.

⁵⁶ Обзорение театров. 1910. 28 сент.

⁵⁷ *Ходотов Н. Н.* Близкое — далекое. С. 230. Автор работал над книгой в конце 1920-х гг. Приведем также фрагмент из воспоминаний Веры Евгеньевны Беклемишевой (1881—1944), литературного секретаря издательства и жены главного редактора С. Ю. Копельмана: «<...> интереснейшим из вечеров „Шиповника“ был вечер, на котором читался только что оконченный „Океан“ (1910 г.).

Леонид Николаевич просил артиста Александринского театра Н. Н. Ходотова прочесть трагедию. Сам он уже днем начал пить и приехал в сильно возбужденном состоянии» (Реквием. С. 237).

⁵⁸ *Любош С.* На чтении «Океана».

⁵⁹ Обзорение театров. 1910. 28 сент.

⁶⁰ Новое время. 1910. 30 окт.

⁶¹ *Ходотов Н. Н.* Близкое — далекое. С. 230.

⁶² РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 2, № 3, л. 8 об. Далее при цитировании указывается лишь порядковый номер листа в альбоме.

⁶³ Речь. 1910. 27 сент.

⁶⁴ Реквием. С. 237. В дополнение к приведенным мемуарным фрагментам В. Е. Беклемишевой обратимся к воспоминаниям брата писателя Андрея Николаевича Андреева (1885—1920), написанным в 1913—1914 гг.: «Характерно в Леониде то, что, будучи пьян, <...> он способен был говорить вещи необычайные по глубине и значительности. <...> Я знаю, что нередко Леонид говорил перед публикой, будучи нетрезв. Так произнес он речь об „Океане“ после публичного чтения пьесы» (*Андреев А.* Из воспоминаний о Л. Андрееве // Красная новь. 1926. № 9, сентябрь. С. 212).

⁶⁵ Почти все альбомные записи этого дня приведены Фидлером в дневнике за 12 декабря 1910 года (РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 1, № 14, с. 160, 163—165, 171, 173—176). Таково было правило коллекционера: по окончании каждого альбома все заслуживающие внимания автографы переносились в дневник и при необходимости сопровождалась пояснениями.

⁶⁶ *Арабаджин К. И.* Леонид Андреев: Итоги творчества. СПб., 1910.

⁶⁷ Автор рисунка — скорее всего Петр Николаевич Троянский. Ему же принадлежит групповой портрет, запечатлевший Андреева и присутствовавших на банкете в том

же издательстве «Шиповник» по случаю премьеры спектакля «Жизнь человека» в театре В. Ф. Комиссаржевской (режиссер В. Э. Мейерхольд, первое представление — 22 февраля 1907 г.). См. подробнее: Рукописный альманах Корнея Чуковского «Чукоккала». М., 1979. С. 155—158.

⁶⁸ Одно из шуточных прозвищ Фидлера, образованных от начальных букв его имени, отчества и фамилии. Сам коллекционер, копируя это четверостишие в дневнике, снабдил его следующим комментарием: «„Трозфий“ = 3 эф = Ф³ = ich» (РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 1, № 14, с. 163).

⁶⁹ *Кожевников Петр Алексеевич* (1871—1933) — беллетрист и литературный критик, поклонник творчества Леонида Андреева. Три месяца спустя Кожевников поделился своими впечатлениями о знакомстве с коллекцией Фидлера в статье «Музей русских литераторов» (Руль. 1910. № 266, 26 дек.).

⁷⁰ В оригинале: «Хаггарт, я спрашиваю тебя: за что ты отнял жизнь у Филиппа?» (Андреев Л. Н. Собр. соч. в 6 т. М., 1994. Т. 4. С. 385). Подробнее свое мнение о пьесе Богораз-Тан изложил в статье: «Океан» Леонида Андреева // Новая жизнь. 1910. № 1. С. 142—154.

⁷¹ См. статью Н. А. Морозова: «Океан» Леонида Андреева // Всеобщий ежемесячник. 1911. № 4, апрель. С. 142—145.

⁷² *Потемкин Петр Петрович* (1886—1926) — поэт, драматург, прозаик. Эмигрировал в 1920 г.; скончался в Париже.

⁷³ Неточная цитата заключительных строк стихотворения З. Н. Гиппиус «Электричество» (1901):

И «да» и «нет» проснутся,
Сплетенные сольются,
И смерть их будет — Свет

(Мир искусства. 1901. № 5. С. 201). Очевидно, сюжет пьесы Андреева вызвал в памяти Н. Тэффи образ из стихотворения Гиппиус: от соприкосновения противоположных по знакам («да» и «нет», т. е. «плюс» и «минус») «нитей» происходит яркая вспышка («Свет»), т. е. одновременно гибель и воскресение.

⁷⁴ *Любош С.* На чтении «Океана».

⁷⁵ Перевод с немецкого выполнен К. М. Азадовским. Слова, выделенные курсивом, приведены в оригинале по-русски.

⁷⁶ В апреле 1909 г., приглашая к себе А. Г. Коонен, Андреев, живший постоянно в Ваммельсуу, сообщал временный петербургский адрес: «Это на Садовой, 32, квар<тира> Фальковских, очень милых людей, у к<отор>ых я живу» (Встречи в Художественном театре: Письма Л. Н. Андреева к А. Г. Коонен / Публ. Г. Д. Эндзиной // Встречи с прошлым: Сборник материалов ЦГАЛИ. М., 1978. Вып. 3. С. 99). *Фальковский Федор Николаевич* (1874—1942) — писатель и драматург, директор петербургского Нового драматического театра, близкий приятель Андреева и его сосед по даче. В доме Фальковского в Нейвола (Мустамяки) писатель провел свои последние дни и скончался 12 сентября 1919 г.

⁷⁷ Можно с уверенностью сказать, что обещание Андреева не было исполнено, иначе это событие нашло бы отражение в дневнике Фидлера.

⁷⁸ Помимо названных ранее писателей, запечатлевших свое присутствие записями в альбоме, Фидлер упоминает также: жену Ф. Сологуба Ан. Н. Чеботаревскую, И. Е. Репина и его жену Н. Б. Нордман-Северову, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, А. Т. Аверченко, К. И. Чуковского, Сашу Черного (А. М. Гликберг), А. М. Федорова, В. Ф. Боцяновского, Ф. Д. Батюшкова, Е. В. Аничкова.

⁷⁹ РО ИРЛИ, ф. 649, оп. 1, № 13, с. 337—338.